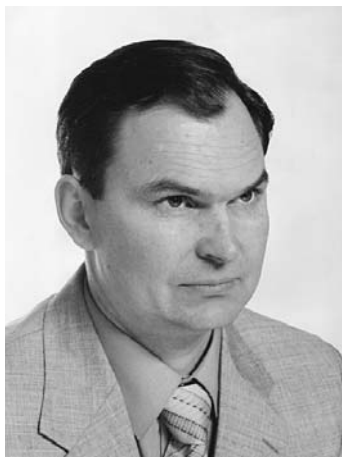

АНДРЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

БЕНДЕРСКИЙ СНАЙПЕР

РАССКАЗ

Нужно было охранять горвоенкомат: архивы ветеранские, времен Великой Отечественной и более поздние, афганские, а также списки военнообязанных и призывников. Мы отстреливались, в ожидании прихода регулярных приднестровских частей, отгеснивших через несколько дней противника от моста через Днестр и далее к окраинам.

Боевой дух в горожанах поддерживался ночными перестрелками с раскатистыми завываниями “катыш” да снайперским выпендрежем сутки напролет; днем же, кто посмелее, либо сигал по мосту в сторону Тирасполя, либо шел, задвинув голову в плечи, на импровизированную толкучку за дорогими сигаретами или за гуманитарным хлебом.

Но в первые минуты и часы войны, растянутые в безумно отрезвляющую вечность, все было всерьез. Враг по мосту укрепился, пройдя блицкригом сквозь город: наиболее значимые объекты выжигались, сравнивались с землей, магистральное направление на Тирасполь было взято под контроль. Нас же в эти июньские дни не оставлял в покое снайпер, он же координировал и минометный расчет, который мог раскатать военкомат в два счета...

Военкомат под юрисдикцией Приднестровья находился на одной улице с логовом молдавской полиции. Оттуда также заносило стрелков, они, как правило, вырастали из канализационных люков; по нам стреляли с завидной

БЕЛОЗЁРОВ Андрей Борисович родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР. Учился в Кишинёвском институте искусств и педагогическом институте. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Проза печаталась в журналах “Кодры”, “Молдова литературная”, “Московский вестник”, “Дружба народов”. Член Союза писателей Приднестровья. Живёт в г. Бендеры.

регулярностью. Опасность воспламенения здания была велика. Мы и тушили пожары под началом бывалого пожарника, самодеятельные и самоотверженные бендерские ополченцы. И отстреливались заодно.

А вокруг, куда ни кинь взгляд, асфальт, рябой от рытвин, ям, воронок; каменные остовы одноэтажных построек, пустые глазницы окон... А на мне ни единого росчерка осколка-дурака или пули наугад, — ни тумака, ни ссадины... но что внутри? Мне страшно — стало быть, существую! В глазах красно от всего красного вокруг — стало быть, я есть! Горько от пороха и сухо во рту — стало быть... ну, в общем, понятно... Иногда я снимал с себя очки с приличным “минусом” — чтобы умягчить резкость восприятия, чтобы заволоклось все вокруг ватным туманом.

Я ушел в ополчение на третий день войны. В армии я не служил (учился в институте), но теперь заделался настоящим воякой наравне с пожарниками и казаками, которые командовали сборными группами из гражданских. Не идти в ополчение — бессмысленно: от страха и отвращения к себе больше шансов сгинуть, нежели от пули...

Автомат полагался один на пятерых; и вот, когда балагура Дмитрия контузило не на шутку, а Володьку, с оттопыренными ушами, исполсовало осколками мины, я ухватился за этот предельно механический прибор. До этого я, неисправимый очкарик, книжный червь-киноман, полагал, что современное оружие напичкано электроникой: как лазерный бластер, оно палит по мишеням подвижным и стационарным.

В задачи входило прикрывать пожарника Антоныча, носившегося день-деньской с брезентовыми рукавами, неизвестно к чему подключенными, заливающего ссохшиеся от жары пристройки архива, которые и так уж наполовину сгорели от попадания мин, а также прилегающие административные постройки. Если заявятся ребята опытные, передать в смену автомат, если желторотые — взять шефство, подчиняясь, однако, неунывающему командиру-пожарнику.

Я застал в живых прежнего подсобника Серегу, ухватистого верткого мужичонку неопределенного возраста, в пятнистой униформе и в кепке с бляшкой; он скручивал шланги, подносил песок и багры, помогал с подключением гидрантов. Когда снайпер достал Серегу — выстрел в голову — я осознал нешуточность предложенных обстоятельств...

Убитого Серегу мы схоронили прямо во дворе военкомата, как при церкви забубенной, в огороженной металлическим штакетником клумбе; двух раненых, Дмитрия и Володьку, находившихся на излечении в самодеятельном лазарете, передали медспецам с носилками, пробиравшимся задворками к другому адресу, кажется, к неприятелю, ничего не попишешь: городская больница одна на всех — в палате зачастую пересекались стрелявшие друг в друга часом раньше...

Остались с Антонычем вдвоем. В этот момент я почувствовал себя возмужавшим. Стремглав несешься, кричишь с вытаращенными глазами, жмешь на курок, до онемения стиснув зубы, лезешь в заваруху — в общем, ведешь себя не как человек мыслящий, но как человек действующий.

Быть бы нам осторожней, но Антонычу будто шлея под робу попала, будто умышленно подставлялся, широко расхаживая с брезентовой кишкой по плацу после обстрела военкомата. А в соседней девятиэтажке будто этого и ждали. Снайпер...

Сначала Антонычу чик-чирикнуло пулей по мясистой части предплечья, ничего, перевязали, обработав перекисью, пошли дальше бороться с пожарами. Но скоро — опять пуля. На этот раз в ногу; опять в мясо, опять навывлет! Что тут поделаешь?..

— Я его, гада, вычислил! — злость и боль забрав в кулак, твердил Антоныч, выколупывая скальпелем из ноги остатки щепы и стекла.

Сделали перевязку. Потом “с горя” вскрыли по банке с тушенкой. Еда всегда придавала ощущение плотности бытия. И тут перевязанный и сытый пожарник, отхлебнув спирта из фляжки, постановил отправляться мне к снайперу в гости; будто бы в точности знал, из какой квартиры ведется по нам прицельная стрельба. Антоныч повелел, чтобы я приволок за шиворот

этого сучьего отморозка, — и тут он с ним поговорит по душам. Не знаю, чем он руководствовался, наверное, кто-то из казаков приврал на распределении ополченцев, что я боец для боя годный, — внешне я и выглядел так, несмотря на гуманитарную специализацию: высок, спортивен, ловок в перебежках по двору, но это у меня скорее от страха, нежели от солдатского навыка (а на очки, когда надо, внимания не обращают).

— Двигай, парень, по окружному пути, крайний справа подъезд, девятый этаж, крайняя квартира справа... Возьмешь его — и обратно! — прищурился Антоныч, указуя из укрытия направление моего хода.

— Может, по рации вызвать подкрепление? — все не осмеливался я на рывок; не была понятна и скоропалительность решения — на фоне задачи сохранения бумаг во вверенном объекте; важность нашего присутствия здесь расценивалась казаками как лишняя огневая точка: отстреливаться, но не атаковать. — Я же полподъезда разнесу, если выбью гранатой дверь! А если снайпер не в этой квартире, если ошибка? — хватался я за соломинку.

— Стреляют из сто сорок четвертой. За месяц до войны я проводил плановый осмотр этого дома. Одна квартира была закрыта. И неизвестно, в чьей собственности. Не дрейфь: главный козырь — внезапность!

— Но... — хотел я опять по поводу бойцов с амуницией и сноровкой: какой из меня Рэмбо, я даже в армии не служил, и в ополчение записался, чтоб под ванной не скулить, ожидая ворвавшихся военных с белыми повязками на локте.

— Никаких “но”, — был неумолим пожарник. — Подмоги ждать неоткуда. Все силы брошены к мосту, на передовую. Выполний, боец, приказ! За снайпера орден получишь!

Что за черт: мне и в самом деле привиделся орден на груди, даже не медаль, как говаривал известный литературный герой. Не знаю только, зачем он мне, орден, ведь это ж наивно: шагать по улицам родного города с орденом, повесив его на выцветшую футболку “Адидас”...

Я взял две гранаты в карманы и два магазина за пояс, чувствовал себя небывало, не то слово; мне думалось, что вот я и отправляюсь на задание, другого расклада действительность: либо он тебя, либо ты! Грозный зверь сидит в сто сорок четвертой, зыритесь на все живое в прицел — зорко и страшно. Но ведь может случиться непредсказуемое... Я совсем не представляю планировки этой угловой квартиры. Антоныч, конечно, объяснил в общих чертах: большой квадратный коридор, прямо — комната, туалет и кухня — налево; но мебель — элемент баррикады, а ни пожарник, ни я не знаем ее расположения. И еще неизвестно, кто более будет обескуражен: а вдруг снайпер не один, — что тогда? Антоныч словно по моему лицу прочитал эти опасения:

— Если завяжется перестрелка, отходи. Разбей эту квартиру длинными очередями, если поймешь, что он не один. А вообще он не знает, что мы знаем, откуда ведется стрельба! Кха-ха! Не перепутаешь? Из сто сорок четвертой! — Антоныч был твердо уверен.

“Лучше б на медаль соглашался, черт!.. Послушал старого дуралея, геройствовать потянуло? Не усидел до прихода наших? Лучше б — на медаль...” — эта нелепица проносилась в голове, пока пробирался кошачьими тропами через малую застройку к зловещей девятиэтажке.

Наконец-то я выбрался на улицу Ленина, девятиэтажка — напротив. Здесь меня обстреляли. Каждым волоском, пупырышком кожи на спине я ощущал, как ложились пули слева и справа... Вобрал живот, обратился в мертвый камень, упал под куст на газоне. Прошла вечность, другая... Открываю глаза. Перестаю бояться... Слева проезжую часть улицы загораживает перевернутый самосвал, груженный бетонными столбиками для виноградной подвязки, превратившийся в баррикаду... На перекрестке устроен блиндаж, в нем приднестровские гвардейцы или молдавские полицаи; попадать в поле их зрения опасно: пальнут без разбора. В нескольких кварталах за кинотеатром, в дыму пожараща просматривается и центральная библиотека с выбитыми стеклами, с поредевшими от взрывов голубыми елями по фасаду; сейчас и там наверняка чей-то штаб, возможно, казачий; книги пушены на баррикады, на подставки под цевье, из них устраиваются лежанки...

Возможно, за мной следили; я вляпался, как в болото, в зону перекрестных и хищных взглядов. Там? Или там? В слуховом окне угловой трехэтажки? Или там, на кровле сберкассы? Или вон там еще, в брошенном фабричном корпусе? А может, и в другом месте? Антоныч об этом не предупредил. “Эх, лучше бы медаль!..” — тут я рванул что было сил, огромными скачками пересек улицу, метнулся за угол заветной девятиэтажки. Стрельба осталась где-то позади, за спиной, на улице... Основные бои шли у Днестра, но и здесь, в отдалении, стоило только показать нос... Не случайно город казался вымершим.

Вот она *родная* девятиэтажка, крайний подъезд справа. Вот и дверь за камерой мусоросборника. Я почти у цели. Лифт не работает наверняка, но это и не важно. Сейчас произойдет то, что должно произойти, — час расплаты, во имя погибших товарищей, во имя Антоныча, во имя Приднестровской Свободы...

Подъезд оказался запертым на засов изнутри, что ж, резонно! Попробуем через выбитые окна ближайшей квартиры (в первый день войны именно в этом районе шли бои...) Влез на цоколь, по траверсу прошел к опасной на ощупь оконной раме, с которой сразу же осыпались остатки крошева, и осторожно, чтобы не пораниться, вскарабкался на подоконный карниз; подался в душный чад чужого жилища. Нахлынуло жгучее чувство, — что все это не со мной; так как нечто подобное происходит только в кино; здесь же не кино — значит, и не со мной!

Спрыгнул на пол, меня пронзил запах этой квартиры. К выходу, в коридоре запах только усиливался. И вот, на полу, поперек коридора — труп. Женщина с открытыми глазами. Во лбу у нее чернела точка... Рядом с ней флакончик с духами. Должно быть, она прихорашивалась перед зеркалом, когда снайпер выбрал в прицеле ее лоб...

Выбравшись на лестничную клетку, я отдышался, перемогая рвотное удушье, поспешил на девятый этаж. В подъезде было прохладно и пыльно. На четвертом этаже я понял, что не надо бы бряцать оружием, чтобы не спугнуть зверя. Я сжимал в потных ладонях укороченный “калашников”, карманы джинсовых брюк оттопыривали две гранаты; от всего моего облика разило оголтелой отвагой. Но это глупо. Нужна хитрость, не иначе. Доберусь на девятый, там видно будет!

Вспомнил вдруг темную каморку без окон в недрах военкомата; там мы спали по очереди. В дверь стучали по-особому — три быстрых стука. Наказ Антоныча — держать ухо востро, дабы не пробрался лазутчик. Мне пришла шальная идея: что, если подойти к “сто сорок четвертой” и — таким же макаром постучать три раза? “Квартирант” подойдет спросить или сразу откроет на условный знак, что вероятней всего! — тут-то я по нему и засажу, разбираться не стану, к чему язык, когда говорит “калашников”!

Ни у одной из дверей я не слышал звуков; жильцы точно съехали на рассвете, когда канонада стихла. Убирались из центра, а то и вовсе — в ближайšie села правобережные, так как магистральный путь на Тирасполь был закрыт.

Решил-таки постучать в “сто сорок четвертую”. На условный манер, три раза: будь что будет! “Тук-тук-тук...” — “Будь что будет!..” — “Тук-тук-тук...” Белый номерной ромбик с гравировкой чисел: единица и две четверки! Но я сделал последний “тук” с эмоциональным нажимом, — дверь отворилась. Да она и не была заперта! “Что за черт!” — только и успел подумать я, и сразу влетел и заорал во всю глотку с окостеневшим пальцем на курке: — Всем руки вверх! На пол! А-а-а-а !!!

Для пущей убедительности, сгорая, я запустил и огневую очередь в створку окна; окно — нейтральный сектор, никого не пораню, если что... А если тут мирное семейство, ничего — от очередного разбитого стекла не убьет... А вот ежели снайпер — тут-то он и потеряет самообладание. Ведь он, паскуда, только по безответным мишеням привык лупить, в реальной схватке, грудь на грудь, ему не устоять. Даже безобидные очки мои, разночинские, покажутся зловещим отблеском расплаты... Я сейчас сливался с персонажем из “Неуловимых мстителей”, который характерным жестом поправлял очки,

а потом стрелял по врагам, не щадя никого, хотя и выглядел безобидно-миловидно подслеповатым.

— Руки вверх! На пол! — опять яростно выкрикнул я, даже пугаясь собственного возгласа...

Никто не набросился на меня, не сбил с ног; никто не передернул затвор в ответ (мой слух опережал зрение). Но я все же остро, неотвратимо почувствовал, что в квартире кто-то есть. Я услышал из комнаты в открытую дверь металлический тихий стук. Снова заорал во всю глотку, ногой ударил дверь, как в кино:

— Всем на пол! Руки вверх!

И тут я увидел ее... Она сидела, скрючившись в углу, под окном, в шортах и синей майке, прикованная наручниками к трубе отопления. Мне показалось, что она дрожала всем телом. Я приблизился к ней. Вдруг увидел, что у раскрытых балконных дверей лежит длинная винтовка с оптическим прицелом, кожаный матрац и набитая песком подставка для ствола; там же и россыпь гильз.

— Ты кто? — яростно выкрикнул я.

— Я... Я к бабушке приехала... а ее нет... Она в больнице... У вокзала...

— Винтовка чья? — выкрикнул я.

— Не знаю... Мужика какого-то... Я вошла, а он здесь... Он меня к трубе пристегнул... — Она заплакала.

— Где он?

— Кто?

— Ну мужик этот, снайпер?

— Не знаю. Ушел куда-то.

— Совсем ушел?

— Не знаю. — Она плакала, плечи у нее тряслись. — Отстегните меня. Ключ он в тумбочку положил, я видела...

— Документы есть у тебя? — по-деловому спросил я.

— Да... Конечно. В рюкзачке.

Я увидел небольшой розовый рюкзак в углу, подошел, раздернул молнию. Среди разноцветной мишуры жевательных резинок, заколок для волос, косметических прибабасов я отыскал паспорт. В документе значилось Ксения Зондерн; паспорт выдан ОВД города Таллина...

— Как ты здесь очутилась?

— Говорю же, к бабушке приехала. Я каждое лето приезжаю... Она в больнице сейчас... Да отстегните же меня в конце-то концов! — всхлинула она.

Ключ от наручников и в самом деле оказался в ящике тумбочки. Вскрещенная пленница стояла передо мной в полный рост.

— Проводите меня к бабушке. Одной мне страшно. Она в больнице. Соседка сказала, в больнице. За переездом...

— Туда еще добраться надо, — хмыкнул я. — Не для этого я сюда пришел. Мне нужен тот, кто стрелял, — сказал я, повнимательнее разглядывая Ксению.

Она оказалась красивой. Или в военной суматохе, среди мужичьего окружения любая девушка могла показаться красивой?

— Мне одной страшно. Проводите меня... Здесь недалеко. — твердила она. — Вдруг мне тот мужик встретится.

Здесь был резон. Ведь вовсе не обязательно ждать снайпера в “сто сорок четвертой”, его можно грохнуть и во дворе... А винтовку? С ней справимся еще проще. Я снял автомат с плеча и хотел ударить им по оптическому прицелу. Но Ксения вдруг остановила:

— Тихо! Кто-то идет... Слышите? Это, наверно, он. Я боюсь!

Ксения притихла, вслушиваясь. Я замер, понимая, что вот теперь-то и наступает момент истины... В тот момент, когда зловещая тень снайпера отделилась от входного порога, я уже был готов стрелять направо, давить что есть силы на курок, разрядить магазин до последнего патрона. Но вдруг снайпер вошел, обыденно, как-то по-простому, и я увидел нежданного персонажа. Усатый, пожилой, какой-то облезлый и обезьянистый мужик,

с длинными руками, он нес пластиковую канистру, должно быть, с водой.

На какой-то момент зависла немая сцена. Мужик часто дышал, он явно устал от своей канистры и подъема на девятым этаж. Он поставил канистру перед собой и как-то ядовито уставился на Ксению, а потом — на мой автомат. Ксения взвизгнула, прыгнула ко мне за спину и прокричала:

— Стреляй! Чего ты ждешь!

Я еще немного помедлил, но мужик-снайпер весь враз засуетился, резко полез в карман... Тут-то я и саданул в него длинной очередью. Казалось, доли секунды хватило, чтобы я изрешетил этого усатого таракана. Кучно в тулово и в голову — уж не меньше десятка пуль прорешетили старого снайпера. Он рухнул грудой, кровавой грудой...

— Теперь надо уходить! — засуетилась Ксения. — Они кого-нибудь пришлют еще... Быстрее!

Она ловко закинула себе за плечи рюкзачок и резко пошла к выходу. Я медлил. Мне все еще не верилось, что я убил человека. Нет, не человека! Брага! Снайпера, который убивал и ранил моих друзей и сослуживцев! Подделом ему! Даже пришло ощущение радости исполненного долга... “Тут и на орден потянет... Еще как потянет!” — возликовал я, отправляясь следом за Ксенией на лестничную площадку.

Идти требовалось в противоположную от военкомата сторону, в обход пешеходного моста через путевое хозяйство станции Бендеры-I. За жилым кварталом в проулке у швейной фабрики дорогу перегородил БТР. Экипажу явно не до нас: “героически” грабился склад готовой продукции; рядом пыхтел груженный “КамАЗ”... То и дело в небо взметывались огненные шары, трассирующие пули, словно праздничное представление из салюта и петард...

Еще метров сто по изрешеченному тротуару под прикрытием вишен и слив частного сектора и — незаметная лазейка в бетонном заборе. Места эти я хорошо знал и немного гордился этим. Гордился и тем, что веду освобожденную заложницу к бабушке. Где больница, я тоже знал.

Почти всю дорогу Ксения не проронила ни слова, наверное, боясь вспугнуть мое решение спровадить ее за железнодорожные пути, и не отставала ни на шаг. А я почему-то вспоминал Таллин... Будучи на фольклорной практике в Пскове, не преминул я заехать в этот старинный эстонский город. Верообразные улицы, холм Тоомпеа, Ратушная площадь, башня “Толстая Маргарита”... На мои многочисленные обращения, как пройти к той или иной достопримечательности, местные жители молчаливо сворачивали со своего пути и препровождали прямо к пункту назначения.

Мне хотелось заговорить с Ксенией о Таллине, а вернее, о чем угодно, лишь бы говорить, ведь она мне вправду понравилась. Но было не до болтовни... Это была совсем не прогулка. Уже несколько раз приходилось падать на щебень на обочине путей, у вагонов; пули дзынькали, казалось, над головой, ударяясь в стальные колеса... Близ ремонтных мастерских полыхали четыре жилых вагончика. Пожарный поезд, тяжело маневрируя, пытался прийти на помощь; но доступ преграждали путеукладочные машины.

Когда мы миновали железнодорожные пути, Ксения сказала:

— Всё! Дальше я дорогу знаю. Спасибо вам...

— А вдруг бабушки там нет? — сказал я.

— Если ее там нет, обратно я все равно не вернусь... Прощай! Ты молодец! — она резко перешла на “ты” и вдруг приблизилась ко мне и поцеловала в щеку.

Губы у нее были сухие и теплые. Я потянулся было к ней, но она остановилась:

— Кончится война, приезжай в Таллин.

Пожарнику-наставнику Антоньчу я сказал, что снайперу учинил настоящую расправу: раскроил, подлюгу, в ближнем бою; труп и вещдоки в “сто сорок четвертой”.

— Что так долго?

— Снайпер отлучался, пришлось дожидаться.

— Ну, рассказывай, рассказывай!

— После. Очень устал!

— Я верил в тебя, сынок! — похвалил Антоныч. — Но отдыхать некогда. Наши вступили в бой за мост, решается исход войны! Военкомат должен быть спасен от пожара.

Только поздним вечером, пригубив спирта из фляжки, за ужином с Антонычем, уминая тушенку, я поведал ему про Ксению. Вот, дескать, еще и девушку спас... Пошутил насчет ордена. Антоныч сперва нахмурил брови, а потом весело мотнул головой.

— Хитрая баба! Откуда она, говоришь? Из Эстонии? А говорит, говоришь, без акцента? Ха! Хитрая баба!

— Не может быть! — выкрикнул я, понимая намек старшего товарища. — Я паспорт ее видел! Адрес даже запомнил!

— Ничего, сынок, деньги и война — дело подлое. А бабы... Что за баба, которая до порога мужика три раза не обманет! — сыпал шутками Антоныч. — Она и есть снайпер.

— А наручники? Зачем?

— А затем. Она поняла, что ее ловят... Прикинулась жертвой...

— Кого же я убил? — сухим голосом спросил я.

— Куратор, может. Смотрящий. Учетчик, словом... — Антоныч утер рукавом губы. Сказал строго: — Выходи на службу, солдат! Пожар где-то! — он повел своим чутким носом, вероятно, угадывая чутким обонянием волну дыма.

Я не поверил Антонычу, хоть он и опытный волк. Я не поверил, что Ксения снайпер. Нет! Нет и нет!

Я разведал, что в той девятиэтажке, в злосчастной квартире на последнем этаже и в самом деле жила старушка, которая куда-то неожиданно съехала. То ли в больницу отвезли, то ли к родственникам подалась. Была ли у нее внучка? — никто из соседей не помнил.

А спустя несколько недель, когда война кончилась, я поехал в Таллин. В моем мозгу отпечатался адрес Ксении Зондерн.

Вот и улица, и дом в районе Мустамяэ.

Я поднимаюсь на площадку к нужной квартире. Я не хочу звонить, давить на кнопку... Я просто ударю в дверь костяками руки. “Тук-тук-тук”. Три раза — как тогда, в “сто сорок четвертую”.